

БОЛЬШОЙ
РОМАН

А. С. БАЙЕТТ

Детская
книга

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 18

A. S. Byatt
THE CHILDREN'S BOOK
Copyright © 2009 by A. S. Byatt
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-11629-0

© Т. Боровикова, перевод, примечания, 2016
© Д. Никонова, перевод стихов, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство ИНОСТРАНКА®

Содержание

I. НАЧАЛА	7
II. ЗОЛОТОЙ ВЕК	169
III. СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК	513
IV. СВИНЦОВЫЙ ВЕК	757
Благодарности	809
Примечания. <i>Т. Боровикова</i>	812

Посвящается Джени Аглоу

I. Начала

На Галерее принца-консорта стояли два мальчика и смотрели вниз на третьего. Было 19 июня 1895 года. Принц-консорт умер в 1861 году. Он успел увидеть лишь начало задуманного им огромного проекта по созданию группы музеев, в которых британские мастера могли бы изучать лучшие образцы декоративно-прикладного искусства. Мозаичный портрет принца — скромного, увешанного медалями — красовался на тимпане декоративной арки в одном конце узкой галереи, висящей над Южным двориком. В самом Южном дворике было еще больше мозаик — портреты художников, скульпторов, гончаров, «Кенсингтонская Валгалла». Третий мальчик сидел на корточках у одной из внушительных стеклянных витрин с золотыми и серебряными сокровищами. Том, младший из двух наблюдателей, подумал про Спящую красавицу в стеклянном гробу. Он поднял взгляд на портрет Альберта и подумал, что сосуды, ложки, ларцы, сверкающие в жидком свете под стеклом, — словно клад, найденный в царской гробнице. (Действительно, некоторые из них оттуда и взялись.) Третьего мальчика было нелегко разглядеть, потому что он был по другую сторону витрины. Кажется, он рисовал ее содержимое.

Джулиан Кейн чувствовал себя в Южно-Кенсингтонском музее как дома. Отец Джулиана, майор Проспер Кейн, занимал в музее должность особого хранителя драгоценных металлов. Джулиану только что исполнилось пятнадцать лет. Он, пансионер школы Марло, сейчас жил дома, оправляясь после тяжелой болезни: он только что переболел желтухой. Он был среднего роста, хрупкого сложения, с резкими чертами лица и желтоватой (даже до болезни) кожей. Прямые черные волосы он разделял на прямой пробор. Одет он был в школьный форменный костюм.

Том Уэллвуд, двумя годами моложе Джулиана, в куртке с поясом и в бриджах смотрелся совсем мальчиком. У него были большие темные глаза, мягкий рот и гладкие темно-золотые волосы. Мальчики только что познакомились. Мать Тома приехала с визитом к отцу Джулиана — ей нужна была помощь, кое-какие сведения для ее работы: она писала сказки, которые пользовались успехом у читателей. Джулиана отрядили показать Тому сокровища. Но, кажется, Джулиану гораздо сильнее хотелось продемонстрировать сидящего на корточках мальчика.

— Я же говорил, что покажу тебе загадку.

— А я думал, ты имел в виду что-то из сокровищ.

— Нет, я про него говорил. С ним что-то нечисто. Я за ним давно приглядываю. Он что-то затевает.

Том подумал, не фантазии ли это, сродни тем, какими увлекались и в его семье, — его родные иногда принимались следить за совершенно незнакомыми людьми и сочинять про них всякие истории. Он подумал: может, Джулиан решил, если можно так выразиться, поиграть в зорких стражей.

— А что он делает?

— Фокус индийского факира. Он исчезает. Вот он есть, а вот его нет. Он появляется каждый день. Сам по себе. Но куда и когда он исчезает — увидеть невозможно.

Они крались по галерее, увешанной бордовыми бархатными занавесями. Здесь были выставлены разные вещи из кованого железа. Третий мальчик не двигался с места и продолжал упорно рисовать. Потом немного передвинулся, чтобы смотреть под другим углом. Мальчик был оборванный и грязный, с копной соломенных волос, в брюках, словно снятых с заводского рабочего, на подтяжках, с обрезанными штанинами и во фланелевой рубашке цвета дыма, покрытой пятнами сажи. Джулиан сказал:

— Давай пойдем туда и выследим его. С ним точно что-то нечисто. Он с виду совсем из простых. И еще он, кажется, никуда отсюда не уходит. Я ждал у выхода, чтобы пойти за ним следом и посмотреть, куда он пойдет, но он как будто и не уходил вовсе. Можно подумать, он тут живет.

Мальчик на миг поднял чумазое, наморщенное хмурое лицо.

— Он сосредотачивается, — сказал Том.

— Я никогда не видел, чтоб он с кем-нибудь говорил. Студентки из Школы искусств иногда с ним заговаривают, но я ни разу

не видел, чтобы он с ними болтал. Он только прячется по углам. Что-то в нем есть такое зловещее.

— Вас часто обкрадывают?

— Отец все время говорит, что посетители музея преступно неосторожны с ключами. А ведь тут всюду кучи, горы вещей лежат просто так — ждут, когда их занесут в каталоги или отправят в Бетнал-Грин. Ничего не стоит сунуть что-нибудь в карман и улизнуть. Я даже не знаю, заметит ли кто-нибудь. Смотря что взять, конечно, — если кто-нибудь стащит Глостерский канделябр, думаю, это быстро заметят.

— Канделябр?

— Да, Глостерский канделябр. То, что этот мальчишка все время рисует. Вон та здоровая золотая штукавина посреди витрины. Он древний, и другого такого нет. Я тебе покажу. Мы можем спуститься, подойти в тот зал и пугнуть мальчишку.

Тома мучили сомнения. В третьем мальчике было какое-то напряжение, непонятная упрямая энергия, готовность ко всему — Том даже не отдавал себе отчета, что он это почувствовал. Но он согласился. Он обычно на все соглашался. Они двинулись в путь, крадучись, подобно сыщикам, короткими перебежками под прикрытием бордовых бархатных занавесей. Мальчики прошли под портретом Альберта, по лестнице, сворачивающей под углом, вниз, в Южный дворик. Но когда они дошли до Глостерского канделябра, чумазого мальчишки там уже не было.

— Он не проходил по лестнице, — произнес Джулиан, охваченный азартом.

Том остановился, не в силах оторвать глаз от подсвечника. Подсвечник был тускло-золотой, тяжелый с виду. Он стоял на трех ногах, каждая в виде длинноухого дракона, зажавшего свирепыми когтями кость и грызущего ее острыми зубами. Край шипастой чаши, куда вставлялась свеча, тоже поддерживали драконы с разверстой пастью, с крыльями, со змеящимися хвостами. Толстый центральный стержень образовали сплетенные фантастические листья и ветви, в которых люди и монстры, кентавры и мартышки извивались, ухмылялись, гримасничали, хватали и разили друг друга. Гномообразное существо в шлеме, с огромными глазами, цеплялось за извилистый хвост рептилии. Были тут и другие люди или кобольды, особенно выделялся один, с длинными вислыми волосами и скорбным взглядом. Том немедленно

решил, что нужно показать подсвечник матери. Он попытался запомнить фигуры, но не преуспел. Джулиан принялся читать лекцию. Он сказал, что у подсвечника интересная история. Никто не знает точно, из чего он. Какой-то золотой сплав. Вероятно, место изготовления — Кентербери, там сделали форму из воска, а потом отливку, но за исключением символов евангелистов на центральном утолщении, по-видимому, подсвечник не задуывался как религиозная утварь. Потом он оказался в Ле-Манском соборе, откуда пропал во время французской революции. Французский антиквар продал его русскому — князю Салтыкову. Из коллекции Салтыкова подсвечник и попал в Музей Южного Кенсингтона. Он уникальный, других таких не существует.

Том не знал, что такое символы евангелистов. Но он видел, что эта вещь — целый мир тайных сказок. Том сказал, что надо показать подсвечник его матери. Может быть, это именно то, что она ищет. Ему хотелось потрогать головы драконов.

Джулиан беспокожно озирался. За алебастровым рыцарем-часовым, стоящим на мраморной плите, была скрытая дверь. Сейчас она стояла слегка приотворенной, чего Джулиан никогда раньше не видел. Он частенько дергал ручку, но дверь всегда была заперта — этого и следовало ожидать, так как она вела вниз, в подвальные хранилища и мастерские.

— Бьюсь об заклад, он пошел туда, вниз.

— А что там внизу?

— Много миль коридоров, стеллажей, подвалов... разные вещи, с которых снимают слепки, или чистят, или просто так хранят. Давай его выследим.

В проходе было темно — единственный луч света падал на верхние ступеньки из приоткрытой двери. Том не любил темноты. Не любил нарушать правила. Он сказал:

— Мы там ничего не увидим в темноте.

— Оставим дверь приоткрытой.

— Кто-нибудь придет и запрет ее. Нам влетит.

— Не влетит. Я здесь живу.

Они на цыпочках спустились по неровным каменным ступеням, держась за тонкие железные перила. У подножия лестницы путь преградила железная решетка, за которой простирался

длинный коридор, смутно видный, словно на другом конце его был источник света. Потолки были готические, сводчатые, как в подземельях церкви, но облицованные белым глазурованным кирпичом фабричного производства. Джулиан раздраженно потрянул решетку, и она распахнулась. Он подумал, что и решетку тоже напрасно оставили незапертой. Кого-то ждут неприятности.

Коридор привел в пыльный запасник, заполоненный толпой белых истуканов — мужчин, женщин, детей — с невидящими глазами. Тому показалось, что это — пленники подземного мира, а может, и погибшие души. Статуи стояли очень тесно; мальчикам пришлось протискиваться меж них. За этим склепом коридор разветвлялся. В левом проходе было светлее, так что они пошли туда, проникли за очередную незапертую решетку и оказались в сокровищнице, полной больших золотых и серебряных сосудов, епископских посохов, аналогов с орлиными крыльями, чаш для святой воды, реющих ангелов и ухмыляющихся херувимов. «Гальванические копии», — шепнул образованный Джулиан. Металл слабо, но отчетливо переливался в свете, проникавшем через небольшие круглые застекленные окошки в кирпичных стенах. Джулиан прижал палец к губам и зашипел на Тома, чтобы тот не шумел. Том, чтобы сохранить равновесие, оперся о серебряный галеон. Галеон звякнул. Том чихнул.

— Тихо ты!

— Я не виноват. Это все пыль.

Они крадучись пошли дальше, повернули налево, потом направо, потом им пришлось пробиваться сквозь завалы каких-то штук, которые Том счел могильными оградками. Они были усажены бюстами улыбающихся женоподобных ангелов с крыльями и остроконечными грудями. Джулиан сказал, что это чугунные решетки батарей отопления, заказанные у литейщика в Шеффилде.

— Стоили кучу денег, а потом оказались тут — кто-то решил, что они «слишком броские», — шепнул он. — Куда теперь?

Том сказал, что понятия не имеет. Джулиан сказал, что они заблудились, их никто не найдет и крысы обглодают их косточки. Послышалось чихание.

— Я же сказал, тихо.

— Это не я. Должно быть, это он.

Тома беспокоило, что они выслеживают, вероятно, невинного и безвредного мальчика. В то же время он боялся наткнуться на дикого и опасного мальчишку.

— Мы знаем, что ты тут! — закричал Джулиан. — Выходи, сдавайся!

Том видел, что Джулиан весь собран и улыбается, как победитель — загонщик или ловец в игре, где положено гнать и преследовать.

Воцарилась тишина. Потом кто-то снова чихнул. Послышалась легкая возня. Джулиан и Том повернулись и посмотрели в другой проход, загроможденный лесом колонн из фальшивого мрамора — постаментов для бюстов и ваз. На уровне коленей, между фальшивым базальтом и фальшивым обсидианом, возникло дикое лицо, увенчанное копной волос.

— Ну-ка выходи и рассказывай, — веско приказал Джулиан. — Сюда нельзя посторонним. По-хорошему я бы должен полицию вызвать.

Мальчик вылез на четвереньках, встряхнулся, как зверь, и встал, мимоходом опершись о колонны. Он был примерно одного роста с Джулианом. Он дрожал — Том не знал, от гнева или от страха. Мальчик провел грязной рукой по лицу, потирая глаза, — даже в темноте видно было, что они покраснели. Он опустил голову и напрягся. Том понял, что у мальчика в голове пронеслась мысль: броситься на этих двоих, сбить их с ног и скрыться в глубине коридоров. Мальчик не двигался и ничего не отвечал.

— Что ты тут делаешь? — не отставал Джулиан.

— Я ныкался.

— Почему? От кого ты прятался?

— Просто ныкался. Я ничё не делал. Я очень осторожно хожу. Ничё не трогаю.

— Как тебя зовут? Где ты живешь?

— Меня звать Филип. Филип Уоррен. Живу я, стал быть, тут. Пока что.

Он говорил с явным северным акцентом. Том заметил акцент, но не смог бы сказать, откуда мальчик родом. Тот смотрел на них двоих почти так же, как они смотрели на него, — словно не мог взять в толк, что они и вправду настоящие. Он хлопнул глазами и вздрогнул всем телом. Том спросил:

— Ты рисовал подсвечник. Ты для этого пришел?

— Угу.

Мальчик прижимал к груди холщовую сумку, в которой, видимо, хранились его рисовальные принадлежности. Том сказал:

— Это удивительная вещь, правда? Я его никогда раньше не видел.

Мальчик посмотрел ему в глаза и отозвался с едва заметной тенью улыбки:

— Угу. Удивительная, верно.

— Ты должен пойти и объясниться с моим отцом, — сурово сказал Джулиан.

— С твоим отцо-ом? А он кто такой?

— Он — особый хранитель драгоценных металлов.

— А. Понятно.

— Ты должен идти с нами.

— Да уж, видать, должен. Можно я вещи заберу?

— Вещи? — Джулиан впервые заколебался. — Ты хочешь сказать, что ты тут живешь?

— Я ж так и сказал сразу. Мне ж больш' некуда пойти. Неохота ночевать на улице. Я пришел сюда рисовать. Я знаю, Музей — для рабочего люда, чтоб глядеть на хорошо сделанные вещи. Я собирался искать работу, по правде, и мне ж нужны рисунки, чтоб показывать... Мне ж эти штуки по душе.

— А можно посмотреть твои рисунки? — спросил Том.

— Токо не тут, темно слишком. Наверху, коли хотите. Я токо заберу вещи, как сказал.

Он скрючился и полез обратно, ловко лавируя среди колонн. Тому представились гномы в копях, а затем, поскольку родители воспитывали в нем сочувствие к беднякам, — дети в шахтах, как они ползут на четвереньках и тянут за собой вагонетки. Джулиан не отставал, следуя за Филипом по пятам. Том отправился за ними.

— Заходите, — сказал грязный мальчик у входа в небольшую комнату и сделал приглашающий жест рукой, возможно в насмешку.

В комнатке стояло некое подобие каменного домика, покрытое резным орнаментом — херувимами, серафимами, орлами и голубками, аканфом и виноградными лозами. У домика были собственные небольшие железные воротца — на ржавчине кое-где виднелись следы позолоты.

— Удобно, — сказал Филип. — Там унутри каменная кровать. Я взял взаймы пару мешков. Я, ясное дело, верну их на место, где нашел.

— Это гробница или склеп, — сказал Джулиан. — Судя по виду, из России. На этом столе, видно, лежал святой в стеклянной раке или реликварии. Может быть, он до сих пор там, то есть его кости, если он не оказался нетленным.

— Я его не видал, — кратко ответил Филип. — Он меня не трогал.

— Ты голодный? — спросил Том. — Что ты тут ешь?

— Раза два я помогал в кафе, собирал и мыл посуду. Люди кучу всего оставляют на тарелках, даже удивительно. А девушки из Школы искусств смотрят на мои рисунки и иногда дают мне сэндвичи. Я не клянчу. Однажды, один раз токо, я украл сэндвич, када совсем изголодался. С яйцом и кресс-салатом. Я знал, та девушка его есть не будет.

Он помолчал.

— Не сказать, чтоб этого хватало. Да, я голодный.

Он порывлся за ракой и вылез оттуда еще с одной холщовой сумкой, альбомом для рисования, огарком свечи и каким-то свертком, перевязанным веревкой, — видимо, одежда.

— Как ты сюда попал? — не отставал Джулиан.

— Зашел за лошадьми и телегами. Ну знаешь, они въезжают вниз по скату в подвал. И разгружаются и нагружаются, и там всегда такая толкотня, ничё не стоит затесаться в толпу, меж коныхов и грузчиков, и пробраться вовнутрь.

— А дверь наверху? — спросил Джулиан. — Она должна быть все время заперта.

— Я нашел махонький ключик.

— Нашел?

— Угу. Нашел. Я его верну. Вот, возьмите.

Том сказал:

— Должно быть, по ночам тут очень страшно в одиночку.

— Не так страшно, как на улицах в Ист-Энде. И близко нет.

— А теперь идем, — вмешался Джулиан. — Ты должен все рассказать моему отцу. Он сейчас разговаривает с матерью Тома. Это — Том. Том Уэллвуд. А меня зовут Джулиан Кейн.

Майор инженерных войск Проспер Кейн, сотрудник Управления науки и искусства, владел елизаветинской усадьбой в Кенте под названием Айуэйд-хауз. Кроме этого, майор занимал небольшой жилой домик из тех, что выросли в Южном Кенсингтоне вокруг чудовищных «паровых котлов» из стекла и стали. (Утилитарное здание из чугуна, спроектированное военным инженером, было увенчано тремя непоправимо безобразными длинными округлыми крышами, за что и получило насмешливое прозвище «Бромптонских паровых котлов».) Эти жилые домики населяли в основном потомки саперов, строивших когда-то «Бромптонские котлы» после Всемирной выставки 1851 года. Майор Кейн занимал жилье, которое трудно было назвать официальной резиденцией, — подчиненные майора жили в таких же, разве что чуть поменьше. Уже давно выдвигались амбициозные проекты расширения музейных площадей, а кое-кто роптал против засилья военных в музее. Был проведен конкурс. Точные видения дворцов, атриумов, башен, фонтанов и декора подверглись скрупулезному рассмотрению и сравнению. Победителем был провозглашен проект Астона Уэбба, но работы не начались. Новый директор музея Джон Генри Миддлтон, назначенный на этот пост в 1894 году, был не военным, а замкнутым, аскетичным ученым, ранее работавшим в Кингз-колледже и музее Фитцуильяма в Кембридже. Миддлтон не ладил с генерал-майором сэром Джоном Доннелли, секретарем Управления науки и искусства. Хранители музея и ученые-исследователи подавали петиции о сносе жилых домиков по причине пожарной опасности и неисправных дымоходов. По подсчетам обнаружилось двадцать семь открытых очагов с дымовыми трубами. Студентки Школы искусств жаловались на то, что к ним в студии проникает сажа и дым. Военные в ответ указывали на тот факт, что пожарная команда Музея состоит из саперов, населяющих эти самые дома. Споры длились, и никто ничего не делал.

Узкий домик Проспера Кейна — комнаты первого этажа и гостиную на втором — украшали элегантные каминные. Каминные были отделаны роскошной плиткой работы Уильяма де Моргана. Майор предложил Олив Уэллвуд позолоченный французский стул, покрытый затейливой резьбой в стиле, равно ненавистном как представителям Движения искусств и ремесел, так и храни-

телям Музея. У майора был эклектический вкус и слабость, если это можно назвать слабостью, к экстравагантному. Майору было приятно смотреть на гостью, одетую в грогроновое платье темного грифельного цвета, отделанное тесьмой, с высоким кружевным воротником и рукавами, которые над локтем клубились модными «фонариками». Шляпа была отделана черными перьями, а на полях теснились алые шелковые маки. У гостьи было приятное, уверенное лицо, энергичное, румяное, с твердой линией рта и широко расставленными огромными темными глазами, похожими на сердцевинки маков. Майор решил, что ей лет тридцать пять — возможно, чуть больше. Он заключил, что она не привыкла к тугим корсетам, лайковым ботинкам и перчаткам. Она двигалась чуть-чуть слишком свободно, чересчур импульсивно. У нее было хорошее тело, тонкие щиколотки. Дома она, видимо, ходила в платьях фасона «либерти» или в чем-то другом столь же удобном. Майор сидел напротив — собранный, с четкими чертами лица, как и у его сына. Волосы все еще такие же темные, как у Джулиана, аккуратные усики — серебряные. Жена майора, итальянка, умерла в 1883 году во Флоренции — в городе, который они оба любили, где родилась их дочь и была крещена Флоренцией, прежде чем пришла болезнь и город стал местом трагедии.

Олив Уэллвуд была замужем за Хамфри Уэллвудом, служащим Английского банка и активным членом Фабианского общества. Олив написала множество сказок для детей и взрослых и слыла специалистом по британским народным сказкам. Она пришла повидаться с Кейном, потому что задумала написать сказку о чудесном древнем сокровище. Проспер Кейн галантно выразил восторг по поводу того, что гостья подумала о нем. Она улыbnулась и сказала: скромный успех ее книг больше всего радует ее тем, что позволяет беспокоить таких важных и занятых людей, как майор. Она никогда и не ожидала подобного. Она сказала, что его комната похожа на пещеру из арабских сказок и что ей безумно хочется встать с места и полюбоваться всеми-всеми собранными им удивительными сокровищами.

— На самом деле, — сказал Проспер, — тут не так уж много арабского. Это не моя область. Я служил на Востоке, но меня больше интересует европейское искусство. Боюсь, вы не найде-

те научного порядка в моих личных вещах. Я не думаю, что при украшении комнаты нужно рабски следовать определенному стилю, особенно если эта комната, так сказать, стоит в ряду разнообразнейших зал музея, как крохотное яичко может оказаться в гнезде Фаберже. Можно прекрасно поставить изникский кувшин рядом с венецианским кубком и покрытой люстром вазой работы де Моргана — все три от такого соседства только выиграют. На стенах у меня средневековые фламандские вышивки соседствуют с небольшим гобеленом, который мой друг Моррис соткал для меня в Мертон-Эбби, — птицы-обжоры и алые ягоды. Посмотрите, какая мощь в изгибах листьев. Моррис всегда полон энергии.

— А эти? — спросила миссис Уэллвуд.

Она порывисто встала и провела пальцем, затянутым в серую лайку, вдоль полки с разнородными предметами, которые никак не складывались в целое ни с эстетической, ни с исторической точки зрения.

— А это, дорогая, моя коллекция гениальных подделок. Эти ложки — не средневековые, хотя их пытались продать мне за таковые. Этот кубок-наутилус вовсе не работы Челлини, хотя Уильяма Бекфорда убедили в противном и он заплатил за него небольшое состояние. Эти безделушки — вовсе не драгоценности британской короны, а искусно сделанные стеклянные копии, которые выставлялись в Хрустальном дворце в пятьдесят первом году.

— А это?

Миссис Уэллвуд, едва касаясь, провела пальцем по керамическому блюду с изображениями, которые казались живыми, — небольшая жаба, свивающаяся кольцами змея, несколько жуков, мох, папоротники, черный рак.

— Я никогда не видела такого точного подобия. Каждая бородавочка, каждая морщинка.

— Как вам известно — а может быть, и неизвестно, — Музей попал в неприятную историю, приобретя чрезвычайно дорогое блюдо — не это — работы Бернара Палисси. Который увековечен мозаичным портретом в «Кенсингтонской Валгалле». Впоследствии, к нашему посрамлению, оказалось, что и то блюдо, и это тоже — честные современные фабричные копии. Они про-

даются как сувениры. Это факт, что при отсутствии неоспоримой метки художника невероятно трудно отличить фальшивого Палисси — или копию, следует сказать, — от подлинника семнадцатого века.

— И все же, — произнесла наблюдательная миссис Уэллвуд, — какая точность деталей! Кажется, что такая работа требует необыкновенных усилий.

— Говорят, и я этому верю, что керамические твари сделаны на основе настоящих жаб, угрей, жуков.

— Надеюсь, мертвых?

— Хотелось бы верить, что мумифицированных. Но мы точно не знаем. Может быть, в этом кроется сказка?

— Принца превратили в жабу и заточили в блюдо? О, как ему ненавистно было бы наблюдать за пирующими. В «Тысяча и одной ночи» есть история про принца, который окаменел до пояса. Эта сказка всегда меня тревожила. Мне нужно подумать.

Она улыбнулась довольной кошачьей улыбкой.

— Но вы хотели узнать про серебряные и золотые клады?

Хамфри Уэллвуд сказал ей: «Поезжай и спроси Старого пирата. Он точно знает. Он все знает про тайники и тайные сделки. Он прочесывает рынки и лавки древностей и за гроши, так мне рассказывали, скупает родовые сокровища, попавшие на лотки уличных торговцев после всех революций».

— Мне нужно что-то такое, что *всегда числилось пропавшим* — конечно, с соответствующей историей — и чтобы я могла приписать этой вещи магические свойства: какой-нибудь талисман, зеркало, которое показывает прошлое и будущее, что-то в этом роде. Как видите, мое воображение порождает только банальности. Мне нужны ваши точные познания.

— Как ни странно, — сказал Проспер Кейн, — очень древних золотых и серебряных сокровищ не так много, и тому есть веская причина. Представьте себе, что вы — ярл викингов, или вождь татарского племени, или даже император Священной Римской империи. Серебряные и золотые вещи составляют часть вашей казны, и им постоянно — с точки зрения художника и рассказчика — грозит опасность попасть в переплавку для мены, на жалование солдатам или чтоб можно было быстро увезти и спрятать. У церкви есть священные сосуды...

— Нет, я не хочу ни граалей, ни дароносиц, ничего такого.

— Нет, вы ищете что-то обладающее неповторимой *маной*.

Я понимаю, что вам нужно.

— Только не кольцо. Про кольца уже столько сказок!

Проспер Кейн засмеялся громким лающим смехом:

— Вы требовательны. А как насчет клада из Стоук-Прайор? Это серебряные сосуды, их закопали для сохранности во время гражданской войны, а нашел уже в наши дни какой-то мальчишка во время охоты на кроликов. А еще была романтическая история с эльтенбергским реликварием, который приобрел для Музея Джон Чарльз Робинсон в шестьдесят первом году. Реликварий происходит из коллекции князя Салтыкова, который купил его и еще тысячи четыре средневековых предметов у одного француза после революции сорок восьмого года. После вторжения Наполеона реликварий спрятала в печной трубе канониса Эльтенбергская, княгиня Сальм-Райфенштадтская. Из трубы реликварий каким-то образом попал к канонику в Эммерихе, который продал его в Аахене торговцу, некоему Якобу Коэну из Ангальта. Этот Якоб в один прекрасный день явился к князю Флорентину Сальм-Сальмскому и предложил ему одну фигурку из моржовой кости. Когда князь Флорентин ее купил, Коэн вернулся с другой фигуркой, потом еще и еще и наконец принес сам ларец-реликварий, закопченный и пропахший табаком. Затем сын князя Флорентина, князь Феликс, уговорил отца продать фигурки кёльнскому торговцу — и вот тут, как мы полагаем, некоторые были подменены искусными современными подделками: путешествие волхвов, Дева и Младенец со святым Иосифом, некоторые из пророков. Очень умелые подделки. Они у нас есть. Это реальная история, и мы убеждены, что подлинники фигурок где-то до сих пор спрятаны. Разве из этого не выйдет замечательный сюжет? Поиски пропавших частей клада, восстановление его целостности? Ваши герои могли бы отправиться по следу ремесленника, изготовившего подделки...

Олив Уэллвуд ощутила то, что часто чувствуют писатели, которым предлагают для сюжета замечательные истории: тут слишком много фактов, слишком мало простора для вставки необходимого вымысла, который на этом фоне будет казаться ложью.

— Мне придется очень многое поменять.

На лице ученого специалиста по подделкам отразилось мимолетное недовольство.

— Это и так уже очень сильная история, — объяснила Олив. — Она не нуждается в моем воображении.

— Я бы сказал, что она всех нас заставляет напрячь воображение, чтобы восстановить судьбу пропавших произведений искусства...

— Меня заинтриговали ваши жабы и змеи.

— Для сказки о колдовстве? В качестве фамильяров?

Тут открылась дверь и Джулиан ввел Филипа Уоррена. Шестивие замыкал Том, он же и закрыл дверь.

— Извини, отец. Мы решили, что тебя следует поставить в известность. Мы нашли вот его — он прятался в запасниках Музея. В гробнице. Я за ним давно следил, а сегодня мы его поймали. Он там внизу жил.

Все посмотрели на грязного мальчишку так (подумала Олив), словно он восстал из-под земли. От его башмаков остались следы на ковре.

— Что ты делал? — спросил Проспер Кейн.

Мальчик не ответил. Том подошел к матери, она взъерошила ему волосы. Он преподнес ей историю:

— Он рисует вещи, выставленные в витринах. А ночью спит совсем один в гробнице древнего святого, где раньше были кости. Среди горгулий и ангелов. В темноте.

— Это очень храбро, — сказала Олив, обращая взгляд темных глаз на Филипа. — Ты, наверное, боялся.

— Нисколечко, — бесстрастно ответил Филип.

Он не собирался говорить, что думал на самом деле. Если ты спал с пятью другими детьми бок о бок на одном матрасе, и, более того, на матрасе, где умерли еще двое братьев и сестра, не болезненно и не мирно, и тела даже некуда было убрать, — горстка старых костей тебя не испугает. Всю жизнь Филипа не покидала жажда уединения — он бы даже не смог назвать это чувство, но оно никогда не ослабевало. Он понятия не имел, бывает ли такое у других людей. Похоже, что нет. В музейной гробнице, в темноте и прахе, это желание на краткий миг осуществилось. Филип был на взводе — опасный, готовый в любую минуту взорваться.

— Откуда ты, парень? — спросил Проспер Кейн. — Ну-ка, выкладывай все как есть. Почему ты здесь и как попал туда, где заперто?

— Я из Берслема. Там работал на гончарной фабрике. — Длинная пауза. — Я сбежал оттуда, вот чего, убежал.

Лицо его было непроницаемо.

— Твои родители работают там, на фабрике?

— Папка помер. Он капсули делал. Мамка расписчица в мастерской. Мы все там работали, кто кем. Я загружал печи для обжига.

— Ты был несчастен, — сказала Олив.

Филип обдумал свои ощущения. Он сказал:

— Угу.

— С тобой плохо обращались.

— Им по-другому нельзя было. Дело не в том. Я хотел... Я хотел чего-нибудь делать...

— Ты хотел что-то изменить в своей жизни, чего-то добиться, — подсказала Олив. — Это естественно.

Может, это и было естественно, но Филип совсем не то имел в виду.

— Я хотел чего-нибудь сделать...

Его внутреннему взору предстала бесформенная масса разжижающейся глины. Он огляделся, как затравленный медведь, и увидел пылающую люстром чашу де Моргана на каминной полке. Он открыл рот, чтобы сказать что-нибудь про эту глазурь, но передумал.

— Может, ты нам покажешь свои рисунки? — спросил Том. Он обратился к матери: — Он показывал свои рисунки студенткам из Школы искусств, и они им понравились, они давали ему хлеб...

Филип развязал сумку и вытащил альбом с рисунками. Там был Глостерский канделябр с извивающимися драконами и горделивыми круглоглазыми человечками. Наброски за набросками — извивающиеся, кусающие, разящие существа в тончайших деталях.

Том сказал:

— Вот этот человечек мне понравился, старичок с редкими волосами и печальным взглядом.

Проспер Кейн переворачивал страницы. Каменные ангелы, корейские золотые украшения для короны, блюдо Палисси во всей своей грубости — один из двух неоспоримо подлинных экземпляров.

— А это что? — спросил он, листая дальше.

— Это я уже сам придумал.

— Для чего?

— Ну, я думал, соляная глазурь. А мож, обливная керамика, вот на этой странице. Я рисовал металл, чтоб его почувствовать. Я металла совсем не знаю. Я знаю глину. Кое-что знаю про нее.

— У тебя хороший глаз, — сказал Проспер Кейн. — Очень хороший глаз. Ты использовал коллекцию Музея по назначению — чтобы изучать лучшие образцы ремесла.

Том перевел дух. Все-таки у этой сказки будет хороший конец.

— Ты бы хотел учиться в Школе искусств?

— Не знаю. Я хочу чего-нибудь делать...

Тут у него совсем кончились силы, и он пошатнулся. Проспер Кейн, не поднимая глаз от рисунков, сказал:

— Ты, должно быть, голоден. Джулиан, вызови Розу, вели ей принести свежего чая.

— Я всегда голодный, — сказал вдруг Филип неожиданно громко, вдвое громче прежнего.

Он не собирался никого смешить, но, поскольку его действительно хотели накормить, все остальные восприняли это как шутку и весело засмеялись.

— Садись, мальчик. Ты не на допросе.

Филип нерешительно глянул на шелковые подушки с павлинами и языками пламени.

— Они отчистятся. Ты совсем без сил. Садись.

Рози, горничная, несколько раз поднималась по узкой лестнице, таская подносы с фарфоровыми чашками и блюдцами, солидный кусок фруктового кекса на подставке, блюдо с сэндвичами, хитроумно рассчитанными так, чтобы угодить дамскому вкусу и при этом накормить растущих мальчиков (в одних сэндвичах — ломтики огурцов, в других — треугольники холодного тушеного мяса). Потом Розу принесла блюдо пирожных-корзи-

ночек, заварочный чайник, чайник с кипятком, кувшинчик со сливками. Розы была маленькая, поджарая, в накрахмаленном чепце и фартуке, примерно ровесница Филипа и Джулиана. Она расставила припасы по первым попавшимся столикам, водрузила чайник на огонь, нырнула в реверанс перед майором Кейном и снова побежала вниз. Проспер Кейн попросил миссис Уэллвуд разливать чай. Филип позабавил майора тем, что поднял чашку на уровень глаз, разглядывая резвящихся пастушек на цветущем лугу.

— Минтонский фарфор, стилизация под севрский, — сказал Проспер. — Для Уильяма Морриса — страшное кощунство, но у меня слабость к орнаментам...

Филип поставил чашку на стол рядом с собой и ничего не ответил. Рот у него был набит сэндвичем. Филип пытался есть деликатно, но был страшно голоден и потому набрасывался на еду. Он пытался жевать медленно. Он глотал огромные куски. Все благосклонно наблюдали за ним. Он жевал и краснел под слоем грязи. Он был готов расплакаться. Его окружили чужаки. Его мать раскрашивала каемки таких же чашек тонкими кисточками день за днем и гордилась неизменной безупречностью своей работы. Олив Уэллвуд, пахнущая розами, стояла над Филипом, накладывая ему ломти кекса. Он съел два, хоть и подумал, что это, наверное, неприлично. Но сладкое и мучное сделали свое дело. Неестественная напряженность, настороженность сменились чистой усталостью.

— А что теперь? — спросил Проспер Кейн. — Что нам делать с этим юношей? Где он будет спать сегодня ночью и куда пойдет после этого?

Тому вспомнилась сцена прибытия Дэвида Копперфильда в дом Бетси Тротвуд. Вот мальчик. Он жил в грязи и опасности, а теперь попал в настоящий дом. Том собирался воскликнуть словами мистера Дика: «Я вымыл бы его!» — но удержался. Это было бы оскорбительно.

Олив Уэллвуд обратила вопрос к Филипу:

— Что ты хочешь делать?

— Работать, — ответил Филип.

Этот ответ был проще всего и в общих чертах близок к истине.

Байетт А. С.

Б 18 Детская книга : роман / А. С. Байетт ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. — 832 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-11629-0

От автора удостоенного Букеровской премии романа «Обладать» и кавалерственной дамы ордена Британской империи — столь же масштабный труд, хроника жизни нескольких семей на рубеже веков. В этом многослойном произведении с невероятным тщанием воспроизводится жизнь, которую перечеркнет Первая мировая война. Подобно Прусту в его эпопее «В поисках утраченного времени» или Голсуорси в «Саге о Форсайтах», Байетт удивительно подробно описывает время, утраченное уже навсегда: и костюмированный праздник в усадьбе, и всемирную выставку в Париже, и секреты прикладного искусства, и сложные повороты любовных отношений...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

А. С. БАЙЕТТ
ДЕТСКАЯ КНИГА

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Дарина Никонова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Нина Тюрина

Подписано в печать 21.06.2016. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YBRM1965601R